[1] Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / О. В. Братимов и др.; Под ред. М. Г. Делягина. М., 2000. С. 15.
[2] См.: Бек У. Что такое глобализация? Шок глобализации: запоздалая дискуссия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ido.rudn.ru/ffec/philos/chrest/g18/bek.html. Дата доступа: 10.09.2012.
[3] См.: Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 269, 271.
[4] См.: Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы / О. А. Павловская и др.; Под ред. О. А. Павловской. Минск, 2010.
[5] Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопр. философии. 1990. № 3. С. 134–148.
[6] Льоса М. В. Либерализм в новом тысячелетии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.inliberty.ru/library/classic/354/. Дата доступа: 20.02.2011.
[7] Либеральная программа для XXI века. Либеральный манифест, принятый 48-м съездом Либерального Интернационала в Оксфорде (Великобритания) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.shishlov.ru/politics/index.phtml?id=513. Дата доступа: 10.09.2012.
[8] Бек У. Что такое глобализация? Шок глобализации: запоздалая дискуссия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ido.rudn.ru/ffec/philos/chrest/g18/bek.html. Дата доступа: 10.09.2012.
[9] Практика глобализации… С. 138.
[10] Бурдье П., Вакан Л. Неолиберальный новояз. Заметки о новом планетарном жаргоне // ПРОГНОЗИΣ. Журнал о будущем. 2007. № 3. С. 88–94.
[11] Зиновьев А. Идеологическая глобализация. Американцы претендуют на роль правителей человечества // Независимая газета. 2002. 26 февр.
[12] Мельник В. А. Современный словарь по политологии. Минск, 2004.
[13] См.: Хартия II Всемирного социального форума 2002 г. «Против неолиберализма, войны и милитаризма, за мир и социальную справедливость» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kulac.narod.ru./top/global/hartia.htm. Дата доступа: 15.06.2012.
[14] Фукуяма Ф. Будущее истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.forum.polismi.org/index.php?/. Дата доступа: 05.09.2012.
[15] Там же.

Поступила в редакцию 11.09.12.

Людмила Владимировна Старовойтова – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии.

В. В. ШИМОВ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТРАТЕГИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ

Рассматривается цивилизационный подход как метод исследования политических процессов, а также его научный потенциал в контексте мировых процессов глобализации и модернизации.

In the article civilization approach and its scientific potential in context of globalization and modernization are considered.

Глобализация тесно связана с проблемой модернизации. Переход к «современности», т. е. к массовому индустриальному городскому обществу, обеспечил Западу колоссальное материально-техническое превосходство над иными цивилизационными ареалами. Вместе с тем существование общества с подобными масштабами потребления и производства обеспечивалось во многом благодаря контролю над ресурсами, расположенными вне территориальной локализации западного мира, что делало незападные общества постоянным объектом колониальной или неоколониальной экспансии Запада. Это побуждало незападные цивилизации к поиску адаптивных средств, которые позволяли обеспечить безопасность и преуспеяние в условиях глобальной западной экспансии, что означало заимствование технологий, способов организации производства, а также элементов общественного устройства у самого Запада. В связи с этим закономерно вставал вопрос: в какой мере модернизация влечет за собой вестернизацию? Возможно ли приобщение к благам научно-технического прогресса без тотальной перекройки социальных структур, культурной традиции и менталитета населения?

С. Хантингтон в известной работе «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка»[1] указывает, что модернизация отнюдь не влечет нивелировку цивилизационных отличий. Напротив, модернизация и заимствование ряда западных социально-технологических практик способствуют консолидации и укреплению незападных цивилизаций, что в перспективе может привести к масштабному столкновению геополитических блоков, возникших на цивилизационной основе.

Концепция Хантингтона вызвала серьезную дискуссию в научной среде. Идея столкновения цивилизаций сыскала определенное количество сторонников, которые вслед за Хантингтоном полагают, что «главное содержание современной эпохи <…> будет зависеть от итогов борьбы цивилизаций как главных субъектов геополитики»[2]. Однако большая часть исследователей сходятся на том, что теория Хантингтона серьезно упрощает и во многом искажает действительность. Прежде всего сомнения вызвал принцип отождествления цивилизаций с ареалами распространения религий, а также тезис о неизбежности конфронтации геополитических блоков, сформированных по цивилизационному признаку.

А. А. Кара-Мурза[3] обращает внимание на то, что модернизационные изменения могут способствовать не только прогрессивному развитию незападных цивилизаций, а значит, содействовать их возвышению, но и, напротив, вести к разрушению традиционных механизмов социального воспроизводства без замены их новыми, «современными», что ставит цивилизацию перед угрозой внутренней деградации и энтропии. Таким образом, по мнению А. А. Кара-Мурзы, угрозу представляет не спровоцированное модернизацией столкновение цивилизаций в борьбе за военно-политическое влияние, ресурсы и рынки сбыта, а энтропия и распад их внутренней структуры, оказавшейся не в состоянии адаптироваться к новым условиям существования. Следовательно, глобализация обостряет не столько проблему межцивилизационных контактов, сколько проблему выживания цивилизаций как таковых, их бытия или небытия.

Обращает на себя внимание также и то, что, вопреки С. Хантингтону, цивилизационная идентичность далеко не всегда становится фактором консолидации цивилизационных ареалов в геополитические блоки, противопоставляющие себя «враждебным иным», прежде всего Западу. Напротив, многие страны, относимые к незападным культурно-цивилизационным ареалам, успешно интегрируются в международные политико-экономические структуры, в которых традиционно доминировали государства Запада. Более того, в ряде случаев декларируется открытая готовность к смене идентичности с незападной на западную (Турция). На подобные феномены обращал внимание и сам Хантингтон, определяя страны, подобные Турции, как расколотые. По версии Хантингтона, к «расколотым», как правило, относятся страны, географически примыкающие к западному миру и тесно связанные с ним культурно-исторически. В большинстве случаев в этих странах имеет место конфликт между прозападными модернизированными элитами и традиционалистской, немодернизированной или слабо модернизированной социальной средой, что и позволяет квалифицировать их как «расколотые». Однако случай «расколотых стран», если даже и согласиться с наличием таковых, отнюдь не исчерпывает весь спектр феноменов подвижности и изменчивости цивилизационной идентичности в современном мире. Кроме того, подобная подвижность и изменчивость сама по себе рассматривается как фактор, который препятствует формированию устойчивых геополитических блоков на цивилизационной основе, постулируемых Хантингтоном.

Еще одной попыткой объяснить феномен подвижности цивилизационной идентичности выступает концепция В. Л. Цымбурского. По версии этого автора, цивилизации с геополитической точки зрения представляют плотные ядра, окруженные межцивилизационными пространствами-лимитрофами – зонами, не обладающими однозначной цивилизационной идентичностью, в которых микшируются маркирующие признаки соседних цивилизаций. Лимитрофными являются территории, геополитически и культурно не интегрированные в ядро цивилизации или интегрированные частично, периферийно. Расположение лимитрофов между ядрами разных цивилизаций обусловливает перемежающиеся и разнонаправленные цивилизационные влияния, порой причудливое смешение маркирующих признаков разных цивилизаций. В роли лимитрофов могут оказаться и обломки погибших цивилизаций, попавшие в поле геополитического притяжения цивилизаций следующего поколения, но не «перемолотые» ими. Типичным примером могут служить православные страны Балканского полуострова и Кавказа, которые после крушения центрированной на Византии православной ойкумены превратились в зону взаимодействия цивилизаций Запада, мусульманского Востока и России. «Плавающая» идентичность государств, расположенных в лимитрофных зонах, позволяет им лавировать между цивилизационными «ядрами» и примыкать к какому-либо из них или, напротив, сохранять нейтралитет в зависимости от геополитической конъюнктуры[4].

В современных условиях, когда западная цивилизация занимает доминирующее положение в мире как в политико-экономическом, так и в культурном отношении, становится очевидным и тяготение к ней сопредельных стран-лимитрофов. Этим, в частности, объясняется и «западничество» Турции, и стремительная интеграция в евро-атлантические структуры бывших социалистических стран Восточной Европы, также относимых В. Л. Цымбурским к лимитрофам.

Рассуждая о положении собственно цивилизационных ядер в современном глобальном мире, В. Л. Цымбурский вводит понятие *контекстно-связанной цивилизации.* По версии автора, каждая локальная цивилизация позиционирует себя в качестве «особого человечества на особой земле», выполняющего в рамках своего геополитического ареала некую автономную программу развития. Реализация этой автономной (внутренней) программы является главным императивом цивилизационного бытия. Однако нередко возникают ситуации, когда локальная цивилизация оказывается в поле воздействия другой, более мощной и, как правило, более зрелой цивилизации. Такая цивилизация становится контекстно-связанной.

Внешнее иноцивилизационное воздействие серьезно изменяет (искажает) ход внутренней эволюции контекстно-связанной цивилизации. Оказавшись в сфере воздействия более мощной и зрелой

культуры, контекстно-связанная цивилизация вынуждена «подстраиваться» под правила игры цивилизации-лидера, включаться в создаваемый ею мир. Как следствие, в культуру контекстно-связанной цивилизации происходит массированная инфильтрация элементов культуры цивилизации-лидера. Причем в большинстве случаев подобные заимствования носят характер защитного механизма – чтобы выжить и сохраниться, контекстно-связанная цивилизация должна во многом уподобиться цивилизации-лидеру.

Исходя из представления о контекстно-связанных цивилизациях и цивилизациях-лидерах, В. Л. Цымбурский полагает, что на сегодняшний день существует единственная цивилизация-лидер – Запад, сделавшая полем своей деятельности весь мир. Поэтому все прочие локальные цивилизации оказываются относительно Запада контекстно-связанными, так или иначе встроенными в западный цивилизационный проект и вынужденными в той или иной форме ему соответствовать.

Концепция В. Л. Цымбурского предлагает более сложную и проработанную картину существования цивилизаций в глобальном мире в сравнении с версией С. Хантингтона, однако и она не в состоянии объяснить ряд феноменов. Прежде всего обращает на себя внимание, что изменчивость и неоднозначность цивилизационной идентификации выступают атрибутом не только стран-лимитрофов, но и стран, относимых В. Л. Цымбурским к цивилизационным ядрам. В частности, Д. Белл обращает внимание, что «относить Иран к единой мусульманской цивилизации – это значит не понимать ее внутренней сложности. Иран – наследник персидской, а не арабской традиции, и потому, например, нет “единства” между ним и Ираком». То же самое можно сказать и о многовековом споре, является ли Россия особой цивилизацией или частью Запада. В. Л. Цымбурский, считающий Россию особой цивилизацией, объясняет русское западничество феноменом «контекстной связанности», т. е. необходимостью включаться в глобальные структуры цивилизации-лидера (Запада) и заимствовать многие элементы его социально-политического устройства. Однако в данном случае речь идет не просто об адаптации России к условиям мира, в котором доминирует Запад, а об отказе значительной прослойки российского общества идентифицировать Россию в качестве особой цивилизации, что автоматически ставит под вопрос цивилизационную субъектность последней. Концепция В. Л. Цымбурского также страдает общим недостатком всех классических цивилизационных теорий: в ней отсутствует какой-либо универсальный научно верифицируемый критерий, в соответствии с которым осуществляется членение мира на локальные цивилизации. «Цивилизация», понимаемая как некий объективно существующий феномен, остается крайне размытым понятием; количество цивилизаций может варьировать в зависимости от того, какой признак тот или иной автор считает системообразующим для цивилизационной классификации. Кроме того, цивилизации, будучи конгломератами культурно-исторически родственных стран, в большинстве случаев не представляют собой монолитные геополитические блоки, а государства, традиционно относимые к одной цивилизации, могут враждовать на протяжении столетий. В связи с этим рассматривать цивилизации как консолидированных акторов международной политической системы не представляется возможным, что затрудняет использование понятия «цивилизация» в качестве категории политического анализа.

Подходы, предлагаемые С. Хантингтоном и В. Л. Цымбурским, а также классиками цивилизационной теории, можно охарактеризовать как примордиалистские, т. е. рассматривающие цивилизации как естественные, органические, изначально данные сущности. Понятие «примордиализм» пришло из теории наций, где оно обозначало набор доктрин, исходящих из аналогичного представления о нации и противостоящих конструктивистским концепциям, постулирующим нацию как социально-политический и мировоззренческий конструкт («воображаемое сообщество»), являющийся атрибутом Нового времени, но никак не всей человеческой истории. Данный подход представлен в работах Б. Андерсона[5], Э. Геллнера[6], В. С. Малахова[7] и др.

Как представляется, применение аналогичного «конструктивистскому» подхода возможно и в рамках теории цивилизаций. С этой точки зрения следует различать понятие *цивилизации (цивилизационного ареала)* как объективно существующего сообщества культурно-исторически родственных стран, которое не является консолидированным актором политических отношений, и понятие *цивилизационного проекта,* т. е. программы геополитической консолидации и организации того или иного цивилизационного ареала на основе единого ценностного комплекса и базирующихся на этом комплексе социально-политических и экономических практик. Таким образом, в предлагаемом контексте уместнее говорить не о цивилизациях, а о *цивилизационных проектах.* Слово «проект» подразумевает, что описываемый феномен – не объективно данная реальность, а объект более или менее осознанного проектирования/конструирования. Носителями цивилизационных проектов могут выступать всевозможные социально-политические, экономические и религиозные группы. Цивилизационные проекты – важные инструменты обеспечения политического влияния и доминирования

этих групп, поэтому понятие «цивилизационный проект» является функциональным в качестве категории политического анализа. В рамках одного цивилизационного ареала, т. е. группы культурно и исторически родственных стран, нередко могут возникать несколько конкурирующих цивилизационных проектов, носителями которых оказываются разные социально-политические группировки. Этим, в частности, нередко объясняется геополитическая разобщенность цивилизаций и враждебность между государствами, принадлежащими к одному цивилизационному ареалу, однако являющимися носителями конкурирующих цивилизационных проектов.

Категория цивилизационного проекта употреблялась ранее рядом авторов (М. Ремизов[8], А. С. Панарин[9]), однако они не давали ее развернутого определения и анализа. Большую теоретическую разработку получила категория *глобального проекта* (В. Б. Павленко[10], М. Л. Хазин[11] и др.), имеющего много общего с понятием «цивилизационный проект». Под глобальным проектом понимается «система ценностей, созданная совокупностью культурных, исторических, государственных и иных традиций доминирующей или претендующей на доминирование цивилизации, воплощенная в системах смыслов и распространяемая в духовной и материальной сферах посредством экспансии, осуществляемой в различных институциональных формах. Поскольку <…> развитие глобального проекта связано с ценностной экспансией, логично предположить, что конечной его целью является внедрение, преобразование и замещение систем ценностей других цивилизаций собственными»[12]. Как видно из данного определения, глобальный проект представляет собой программу всемирной экспансии претендующей на универсальность системы ценностей. Глобальный проект как аналитическая категория может использоваться для описания процессов в общемировом масштабе. Категория цивилизационного проекта предлагается для анализа явлений регионального уровня в рамках локальных цивилизационных сообществ, прежде всего для описания механизмов конкуренции и взаимодействия этих проектов в данных локальных сообществах. Сущностной характеристикой глобальных проектов являются универсалистские устремления; напротив, цивилизационные проекты апеллируют к региональной социокультурной специфике и функционируют посредством противопоставления цивилизационного сообщества тем или иным «конституирующим иным».

Вместе с тем очевидна взаимосвязь глобальных и цивилизационных проектов. Авторы концепции глобальных проектов связывают их становление в начале нашей эры с возникновением и экспансией претендующих на универсальность религиозных систем, прежде всего христианства и ислама. Мировым религиям в конечном счете не удалось осуществить своей глобальной миссии, т. е. охватить своим влиянием всю ойкумену и подавить прочие системы ценностей. Вместе с тем, распространяясь по миру, они исполняли важную интегрирующую функцию, формируя значимые черты сходства у народов, живущих на огромных пространствах, и приобщая их к единой духовной традиции, сводам священных текстов, реликвий и мест поклонения, формируя семейные, обрядовые и кулинарные традиции, представления о морали и нравственности. Таким образом, распространение авраамитических религий способствовало возникновению обширных региональных цивилизационных ареалов. В то же время интегрирующая роль религии оказалась ограниченной рядом факторов, способствовавших дифференциации религиозных макрообщностей. Эти факторы могут быть самыми разнообразными: особенности геополитического положения или этнополитического окружения того или иного народа, специфика «предшествующей» государственной и религиозной традиции, наконец, агроклиматические условия. Разнообразие этносоциальных сред, в которые «привносится» религия, порождает неодинаковое восприятие и трактовку последней. Как следствие, религия начинает «дробиться», в ней появляются всевозможные течения и расколы. Дифференциация и распад универсалистских систем ценностей в результате их адаптации к неодинаковым региональным условиям служат механизмом формирования региональных *цивилизационных проектов.* Цивилизационные проекты, как отмечалось выше, формируются в оппозиции к «конституирующим иным», т. е. прежде всего к другим цивилизационным проектам, возникающим на основе той же глобальной традиции. При этом сами цивилизационные проекты могут также перерождаться в глобальные, а именно позиционировать свои ценностно-мировоззренческие установки в качестве универсальных и единственно верных. С другой стороны, цивилизационные проекты могут быть и «изоляционистскими», ориентированными на «закрывание» локального цивилизационного сообщества от внешнего мира (в частности, в качестве изоляционистской нередко рассматривается доктрина «Москва – Третий Рим»[13]).

Механизм зарождения и развития глобальных/цивилизационных проектов выглядит, по мнению разработчиков данной концепции, следующим образом. Формирование концептуальной и мировоззренческой базы проекта на ранних стадиях осуществляется небольшими разрозненными группами единомышленников (пример – раннее христианство). По мере развития проект обретает разветвленную организационную структуру; его активные носители кристаллизуются в элиту и занимают

доминирующие позиции в социуме. Мировоззренческая база проекта адаптируется к условиям реального социума, формируются социальные нормы и практики, основанные на мировоззренческих установках проекта. На этой стадии проект обретает «опорное государство» (например, Византия для православного проекта) или организацию (католическая церковь), которая осуществляет его продвижение в мире и/или в рамках локального цивилизационного ареала. Со временем опорные структуры проектов обнаруживают склонность к кризисам и распаду в результате энтропийных процессов, разложения элит и неспособности адекватно реагировать на накапливающиеся изменения во внутри- и внесистемной среде[14].

Важно подчеркнуть, что распад конкретных социально-политических структур не означает разрушения мировоззренческой и идеологической базы проекта, которая переходит в латентное состояние и может быть актуализирована при соответствующей конъюнктуре. Так, в частности, по мнению М. Хазина, распад СССР отнюдь не исключает попыток реанимации коммунистического проекта в будущем.

Проведенный анализ показал, что цивилизационные проекты являются результатом адаптации региональными сообществами глобальных, претендующих на общечеловеческую универсальность систем ценностей (глобальных проектов). При этом сами цивилизационные проекты могут как вновь перерождаться в глобальные, так и становиться идеологией «изоляции» того или иного сообщества от окружающего мира.

[1] См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. М., 2006.
[2] Владимиров А. И. Концептуальные основы Национальной стратегии России: политологический аспект. М., 2007. С. 143.
[3] См.: Кара-Мурза А. А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М., 1995.
[4] См.: Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы 1993–2006. М., 2007. С. 212–239.
[5] См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
[6] Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
[7] См.: Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 52–121.
[8] См.: Ремизов М. Судьба российского наследства // Стратегический журнал. 2005. № 1. С. 13–29.
[9] См.: Панарин А. С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Избранная социально-философская публицистика. М., 1996. С. 90–126.
[10] См.: Павленко В. Б. Институциональные аспекты глобального управления политическими процессами: Автореф. дис. … д-ра полит. наук. М., 2008.
[11] См.: Хазин М. О глобальных проектах [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://worldcrisis.ru/crisis/132450?-PARENT_RUBR=wc_glpr.
[12] Павленко В. Б. Концепция глобальных проектов: идейно-теоретические истоки и современное развитие // Общество. Государство. Право. 2008. № 2. С. 76–90.
[13] См.: Кожинов В. В. // История Руси и русского слова. Опыт беспристрастного исследования. М., 2001. С. 470.
[14] См.: Коллонтай В. М. Глобальные проекты и национальные интересы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://worldcrisis.ru/crisis/215410?PARENT_RUBR=wc_glpr.

Поступила в редакцию 04.04.12.

Всеволод Владимирович Шимов – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии.